

Подойдя к Махмуду, он остановился, расставив ноги и подняв над головой своё оружие. Не поворачивая головы, он крикнул:

— Аман! Если хочешь жить, уходи! Мне рабы не интересны! А ты — мерзкий раб мерзкого господина.

Палач сорвал с головы алую повязку и швырнул её в лицо своему повелителю. Обхватив огромными ручищами торчавший из помоста кол, он с силой рванул его вверх. Огромное бревно, как тростинка, выскочило из пазов и полетело на камни площади. Сплюнув, Аман легко соскочил с эшафота и широкими шагами направился в сторону дворца.

Махмуд перестал улыбаться. Пожалуй, в первый раз в жизни ему стало страшно. Подняв глаза к небесам, он что-то начал бормотать. Потом резко прыгнул в сторону и замахнулся палашом. Юноша, легко отразив удар, оттолкнул эмира, но сам нападать не стал.

— Вставай, — спокойно сказал он, — Бери оружие и сражайся.

— Я раздавлю тебя, как клопа! — взревел эмир и снова сделал выпад.

Длинный двуручный меч, как масло, пронзил живот Махмуда. Тот замер, еще не поняв до конца, что произошло. Молодой человек выдернул клинок и, размахнувшись, сильным ударом снес голову противника.

Обезглавленное тело глухо рухнуло на камни. Из раны вязкой жижей потекла темная кровь. Юноша брезгливо посмотрел на поверженного тирана, пихнул его в бок и ушел с площади под громовые крики толпы.

Ариана, подлечившись и окрепнув, по решению старейшин вступила в управление городом, а её младший брат Фром советом Свободного Братства единодушно был избран Великим Магистром. И правили они долго, созидая и преумножая богатства своих владений. Ариана, заключив выгодные союзы с правителями соседних городов, дала основу для создания государств, тем самым охладив пыл ненасытных захватчиков, жаждавших поработить другие народы.

Первым при вступлении Арианы на управление города стал указ, навсегда отменяющий институт рабства, который был встречен всеми жителями с большим воодушевлением и радостью. После утверждения этого закона правительница получила официальное имя Ариана-Освободительница, чем она очень гордилась.

Фром проявил себя, как мудрый и справедливый управитель Братства и был именован, как Фром-Мудрый.

(Выдержка из летописи)

Крушение надежд

— Девки! — крикнула высокая дородная блондинка, — Списки уже вывесили! Айда смотреть!

Шумная ватага девушек направилась к стенду, к тому времени уже облепленному со всех сторон жажущими узреть свою фамилию в числе принятых в институт.

Тина несколько раз пробежала глазами ровные ряды счастливцев и отошла в сторону. Её фамилии в списках не было. Рухнула последняя надежда вырваться из грязного провинциального городка, из дома, где вся жизнь была подчинена единственной цели — достать деньги любым путем, пусть даже идущим в разрез с законом.

Мать Валентины, властолюбивая и жадная до отвращения женщина, рано оставшаяся без мужа, скорее всего, по собственной инициативе, занималась челночным бизнесом. Сама она, правда, уже давно не ездила за товаром, а сколотила бригаду и теперь стригла купоны с каждой партии барахла и этим жила.

Целыми днями с раннего утра и до позднего вечера она торчала на вещевых рынках, зорко следя за сбытом. Улаживала конфликты с конкурентами, унимала недовольных покупателей, одним словом, вертелась, не упуская даже малейшей возможности урвать кусок пожирнее.

Тине дапно не нравилось такое ремесло, и девушка с нетерпением ждала окончания десятилетки. Всё свободное время она пропадала в городской библиотеке, готовясь к вступительным экзаменам. И вот все её старания пошли коту под хвост. Тина даже поёжилась, представив себе, что её ожидает дома. Ведь уехала она без спроса, прихватив из комода деньги. Сумма, вообще-то, была не такая уж большая, но мамаша тряслась над каждой копеечкой. Так что, и за эти гроши девушка получила бы разнос по полной программе.

— Что, подружка? — к Тине подошла размалеванная, как клоун, девица в открытой майке и короткой джинсовой юбке, — Пролетели мы с тобою, как фанера над Парижем. Что делать-то будем?

— Не знаю, — девушка опустила глаза, — Мать меня убьет.

— Ну, положим, не убьет, — ехидно улыбаясь, заявила девица, — Скорее всего, отрабатывать заставит. С «челноками» за шмотками отправит, а потом на рынок пристроит. Тоже не сахар, но с баблом будешь.

— Что ты несешь, Алька? — возмутилась Тина, — Мамашу мою не знаешь? У неё снега зимой не выпросишь. Она все деньги прикарманивает.

— Так уж и все, — не поверила Алина.

— Помнишь, мы с тобой прошлым летом в колхоз ездили?

— Помню, — разулыбалась раскрашенная подруга, — Я там классно оттянулась с местными мальцами. Культурки, правда, у них маловато было, но трахались они здорово!

— А куда ты заработанные деньги дела? — раздраженно спросила Тина.

— Куда? — девушка расхохоталась, — Шмоток прикупила и погуляла вволю. А то ты не знаешь?

— Вот именно, — Тина горько усмехнулась, — А я их даже и не видела. Бухгалтерша все бабки мамаше передала и в ведомости за меня расписалась. Я даже не знаю, сколько там причиталось. А ты что делать собираешься?

— Не знаю пока, — весь энтузиазм Алины сразу куда-то улетучился, — Мои, сама знаешь, тоже по головке не поглядят. Они тихие и вежливые, когда деньги у родственников клячут, а потом их вежливость испаряется. Только с бутылками обходительные, когда их опустошают или сдавать несут.

Подруги замолчали и, горько вздыхая, устались себе под ноги. Возвращаться домой им совсем не хотелось.

— У тебя деньги еще остались? — вдруг спросила Алина.

— На билет хватит, — ответила Тина, — А что? Ты свои уже все просадила?

— Нет. Пойдем, посидим где-нибудь, — предложила подруга, — У меня к тебе разговор есть.

Девушки вышли из институтского двора, огороженного высоким витым забором, и побрели по тенистому скверу. Тина, проходя по его аллеям, мечтала, что, когда она станет студенткой, обязательно будет здесь гулять после занятий, наслаждаясь тишиной и запахами цветов, или, устроившись на одной из лавочек, будет перелистывать конспекты.

— Наивная дура, — пробурчала она себе под нос.

— Кто дура? — остановившись, спросила Алина.

— Я, — Тина ткнула в себя пальцем.

— Понятно, — подруга подхватила её под локоть, — Еще посмотрим, какие мы дуры! У меня идея одна созрела.

Они уселись за маленьким круглым столиком под огромным красно-желтым зонтом уличного кафе, и Алина, оглядевшись по сторонам и понизив голос до шепота, сказала:

— Мне в голову пришла одна интересная мысль.

— Какая? — насторожилась Тина, — Только учти, я на ... панель не пойду.

— А тебя никто туда и не зовет, — отмахнулась подруга, — Тут своих хватает и без нас. Я другое имею в виду. Помнишь девушку из какого-то городка, с нами в одной комнате жила? Такая высокая, стройная, грудь у неё еще огромная.

— Рыжая, — наморщила лоб Тина, — Кажется, Леной звать. Она на первом же экзамене срезалась.

— Ага, та самая, — подтвердила Алина, — Ты знаешь, где она сейчас?

— Нет, — Тина замотала головой.

— Так вот, — Алина придвинулась поближе и уже совсем перешла на шепот, — Я её недавно встретила в центре. Никуда она не уехала. Сказала, что нашла здесь работенку, закачаешься. Я её спросила, и эта Лена мне всё рассказала. Она теперь, как это? А, помощница по хозяйству у одного богатого старикашки.

— И что? — не поняла Тина, — Что она делает?

— Живет там, — грубо ответила подруга, — Что ей еще делать?

— Так просто живет? — удивилась девушка.

— Нет, за фантики, — Алину, видимо, стала раздражать тупость подруги, — Ты что, не врубаешься? Квартиру убирает, жратву готовит, ну, и так далее. Старичок тихий, ну, там, ущипнет её за попку, ну, по груди погладит. А на большее он и не способен. Сидит целыми сутками в своём кабинете, мемуары строчит. Зато хорошие бабки платит. Я видела, Ленка упакована на все сто. Она сказала, что этот писатель обещал ей прописку сделать и отписать всё в наследство. А сколько ему осталось-то? Ленка сказала, что он еле ходит.

— А у этого старика нет других родственников, что ли? — спросила Тина.

— Не знаю, — пожала плечами Алина, — Ленка ничего мне об этом не говорила.

— А как она нашла такую работу, — в глазах девушки блеснул огонек азарта.

— Вот! — Лина подняла вверх палец, — Ленка говорила, что прогуливалась в этом районе. Увидела объявление на столбе. Позвонила. Так и вышло. Теперь даже о пролете в институт и не вспоминает.

— И ты хочешь тоже там погулять? — Тина удивленно посмотрела на подругу.

— Для начала купим газету с объявлениями, — твердым голосом сказала Алина, — И телефонную карточку. Не станешь же ты звонить из общаги. Но надо поторопиться. У нас всего три дня. Потом вышвырнут на улицу.

Знакомство

В газетах, как назло, было всё, что угодно, от уборщиц и официанток до откровенной порнухи. Но ни одна колонка не содержала приглашений на работу помощниц по хозяйству. Но девушки рыскали в поисках желаемых предложений, как голодные волчицы.

Так прошло два дня, и Тина уже начала укладывать вещи, кляня местные порядки и с содроганием думая о предстоящей встрече с «любимой» родительницей. Алина тоже изменилась. Она уже не казалась такой беззаботной и веселой, как прежде. Перспектива возвращения в свой родной Мухосранск давила на неё, как могильная плита.

Третий, последний день с самого утра преподнес девушкам очередной неприятный сюрприз. Войдя без стука в их комнату, комдантша объявила, что до полудня комната должна быть освобождена. На все возражения и препирания она отвечала, как заезженная пластинка, одной и той же фразой: «Как я сказала, так и будет!» Даже милицией пригрозила.

— Пошли, — Алина подхватила свой чемодан, — Мне в ментовку что-то не хочется.

— Куда мы пойдем? — чуть ли не заорала Тина.

— На вокзал. Вещи в камеру хранения сдадим и продолжим поиски, — Лина вытащила подругу на улицу.

Погода соответствовала настроению. Небо заволочло тяжелыми тучами, ветер дул с такой силой, будто стремился сорвать с прохожих одежду. Вдобавок ко всем неприятностям еще и заморосил мелкий противный дождь.